

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-91-102

ОТ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ К ЯЗЫКОВОМУ РЕЖИМУ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ЭМПИРИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Надежда Борисова

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация

Выделение в качестве специальных и обсуждение интегративной и фрагментирующей общество функций языка нуждается в уточнении того, факта, что не сам язык как таковой способствует политической интеграции или фрагментации, а его политико-институциональный статус и то, как этот статус осознается и воспринимается членами группы-носителя языка. Такое понимание на первый план выводит вопрос о содержании и вариативности языковой политики. В статье ставится вопрос о том, какая языковая политика способствует интеграции, а какая блокирует и запускает фрагментацию общества? Поиск ответа на этот эмпирический, по своему характеру, вопрос требует концептуального осмысления подходов к пониманию языковой политики и ее направленности с точки зрения результатов и/или эффектов, методологической ревизии концепции «языкового режима», которая в последние несколько лет активно стала использоваться в политологических исследованиях языковой политики. В статье проведен концептуальный анализ подходов к пониманию и классификациям языковой политики и языкового режима, как казуально связанных друг с другом. Предложено авторское понимание языкового режима как разновидности социального порядка, включение в политико-властные отношения которого происходит в результате актуализации политической борьбы за язык.

Ключевые слова: языковая политика; языковой режим; политика языка.

Изучение и объяснение процессов политизации языка и институционализации языковой политики находятся в поле исследовательских интересов тех, кто работает преимущественно в конструктивистской парадигме. При этом исследования языковой политики нередко сопряжены с изучением политики идентичности. В современных исследованиях языковой политики представление об инструментальности официального языка для политики идентичности носит конвенциональный характер. О. Малинова, определяя политику идентичности через ее интегрирующую сообщество функцию, отводит официальному языку, наряду с национальными символами и праздниками, школьными программами, практиками переименования топографических объектов, инструментальную роль (Малинова, 2010: 91). В такой же логике рассуждает А. Карла, когда пишет о том, что «посредством языка идентичность формируется через практики и системы взаимодействия индивида и государства, личности и власти» (Carla, 2007: 287). Э. Лю, ссылаясь на А. де Токвилля, отмечает, что политическая роль языка проявляется в том, что он является [фактически] источником национального единства и инструментом для конструирования политического сообщества (Liu, 2015). Сходной точки зрения придерживается и С. Райт, которая считает, что язык является условием и одновременно элементом появления и развития национальных государств (Wright, 2015). Подобная интерпретация *политической роли* языка позволяет выделять и обсуждать его интегративную функцию, в то время как не менее значимой в политическом отношении является фрагментирующая роль языка. Речь в данном случае идет о тех обществах, где язык, как маркер этничности его носителей, обуславливает гетерогенность и фрагментированность общества, которые, в свою очередь, в определенных условиях проявляются в социально-политических расколах и этнополитических конфликтах, угрожающих целостности государства. Н. Борманн, Л. Цедерман и М. Вогт, сравнивая значение религии и языка для развертывания этнополитических конфликтов, эмпирически доказывают, что язык более всепроникающе функционирует в повседневной жизни, нежели религия, а потому чаще становится основанием для оспаривания власти (Vogmann et al., 2015: 5). Но было бы ошибочным полагать, что сам язык, фрагментируя общество, является угрозой территориальной целостности государства. Фрагментирует общество не язык, а его политико-институциональный статус и то, как этот статус осознается и вос-

принимается членами группы-носителя языка. В этом случае уместно вслед за А. Швейцером и Л. Никольским (Швейцер, Никольский, 1978: 25–26) говорить о символической функции языка, которая может, консолидируя группу, работать на фрагментацию общества, а может его интегрировать.

Таким образом, возникает вопрос: какая языковая политика способствует интеграции, а какая блокирует и запускает фрагментацию общества? Поиск ответа на этот эмпирический, по своему характеру, вопрос требует концептуального осмысления подходов к пониманию языковой политики и ее направленности с точки зрения результатов и/или эффектов, методологической ревизии концепции «языкового режима», которая в последние несколько лет активно стала использоваться в политологических исследованиях языковой политики.

Языковая политика как она есть: критерии классификации и вариативность решений

Подходы к пониманию и классификации языковой политики разнообразны, равно как и разноплановы многочисленные исследования, посвященные языковой политике. Классическими для современной социолингвистики, безусловно, являются работы известных зарубежных социолингвистов второй половины XX в.–начала XXI вв. Х. Клосса (Kloss, 1998), Дж. Фишмана (Fishman, 1972), Р. Купера (Cooper, 1989), С. Райта (Wright, 2003), Д. Джонсона (Johnson, 2013), Дж. Толлефсона (Tollefson, 1991; Tollefson, 2012; *Medium of Instruction Policies...* 2004), Б. Спольски (Spolsky, 2004) и др. В отечественной социолингвистике теоретическим камертоном в развитии научного знания об языковой политике, ее разновидностях и условиях реализации являются, прежде всего, работы А. Швейцера (Швейцер, 1977), Н. Вахтина и Е. Головки (Вахтин, Головки, 2004). Так, А. Швейцер еще в 1970-х гг. предложил понимать под языковой политикой «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения употребляющихся лингвистических норм» (Швейцер, 1977: 117). В свою очередь, Н. Вахтин и Е. Головки определяют языковую политику как разновидность политики государства, которое «принимает основные принципы политики в отношении языков, имеющих хождение на его территории, и реализует эту политику в виде языкового планирования» (Вахтин, Головки, 2004: 163). Им вторит В. Клоков, характеризуя ее как «осознанное и целенаправленное воздействие на функциональную и структурную области языка со стороны официальных и неофициальных лиц, общественных организаций, партий, правительств, классов» (Клоков, 1992: 92). В свою очередь, Б. Цыбденова, ссылаясь на Р. Каплана, отмечает, что языковую политику, как целенаправленное воздействие на язык, помимо государства могут осуществлять партии, общественные организации и движения, ученые, работники сферы образования (Цыбденова, 2016: 89). Таким образом, общим для современной политической науки и социолингвистики является представление об языковой политике как о системе мер, реализуемых государством и направленных на регулирование практик использования языка(ов) в обществе (Kloss, 1998; Швейцер, 1977; Мустафина; Хашимов, 2003; Цыбденова, 2017; Мухарьямов, 2017; Gadellii, 1999; Каневский, 2015; Клоков, 1992).

Исследователи выделяют различные критерии для характеристики и классификации языковой политики. Наиболее известной является «схема классификации языковой политики», предложенная Х. Клоссом (Kloss, 1998). В качестве базового критерия используются такие характеристики языковой политики, как ее направленность и результативность с точки зрения обеспечения прав носителей языка и языковых меньшинств. Схема включает четыре класса политик в отношении миноритарного языка:

1. Политика, направленная на продвижение и развитие языка («promotion-oriented policy»).
2. Языковая политика невмешательства («tolerance-oriented policy»).
3. Ограничивающая языковая политика («restriction-oriented policy»).
4. Запретительная языковая политика («repression-oriented policy»).

Первую отличают комплексные по своему характеру институциональные решения и масштабная ресурсная поддержка миноритарного(-ых) языка(-ов) со стороны государства, а также признание и закрепление за языком(ами) официального или ко-официального статуса.

Политика невмешательства означает фактическое неучастие государства, прежде всего, центральных властей, в поддержке миноритарного языка. Сопутствующим такому «невниманию» государства по отношению к языку является отсутствие признания за ним официального или ко-

официального статуса. Ограничивающая языковая политика является преференциальной в отношении доминирующего для общества языка посредством регламентации его использования на рабочем месте (например, «только английский»). В свою очередь, запретительная языковая политика носит дискриминационный по отношению к миноритарным языкам характер. В целом, следует отметить, что схема Клосса носит двухполюсный характер: противостоящими друг другу оказываются языковая политика, направленная на продвижение и развитие языка и запретительная языковая политика, между которыми находятся оставшиеся два класса.

А. Каневский выделяет интегративную, исключительную и полиномиальную модели языковой политики. Первая является фактически моноязычной и направлена на языковую гомогенизацию общества (Каневский, 2015: 48). При реализации такой политики в сфере образования лишь официальный (государственный) язык является языком обучения, а миноритарные языки, если и включены в силлабусы, то лишь как предметы. Исключительная модель языковой политики, хотя аналогична интегративной, и направлена на языковую гомогенизацию общества, но при этом не оставляет для миноритарных языков даже минимальной возможности воспроизводства. Речь идет о фактическом запрете миноритарных языков, в т.ч. и недопущении их преподавания (в качестве предмета) в школах. Полиномиальная модель языковой политики носит плюралистический характер, поскольку поддерживает витальность и «обеспечивает воспроизводство миноритарных для политики языков в сфере публичных отношений» (Каневский, 2015: 48). Следует уточнить, что только первая и третья модели, безусловно, носят преференциальный характер, в то время как вторая, в случае, если она реализуется на национальном (страновом) уровне, не приобретает в силу своего содержания преференциальный характер и, фактически, в отношении миноритарных языков является негативной (или дискриминирующей). Но в случае, если такого рода политика реализуется на субнациональном уровне, то тогда по отношению к титульной группе региона исключительная модель языковой политики приобретает позитивный (преференциальный) характер, но дискриминирующий в отношении меньшинств (в случае их наличия) в составе регионального сообщества. Последнее означает необходимость не просто выделения в рамках анализа языковой политики уровней ее реализации и приложения – национального, субнационального (регионального) и локального, но их соотношения с такими характеристиками языковой политики, как направленность и эффекты.

В исследовательской литературе можно встретить работы, авторы которых сосредотачивают свое внимание на эффектах позитивной по своей направленности языковой политики. Так, обсуждая ее характерные черты, Б. Буш выделяет инклюзивную языковую политику, которая, по ее мнению, основана «на трех столпах: 1) право на выражение различий и признание различий; 2) содействие равному доступу к ресурсам и обеспечение равных прав носителей разных языков; 3) обеспечение социального взаимодействия между лингвистически разными социальными группами и их представителями» (Busch, 2013: 217). По мнению Б. Буш, такая языковая политика является исключительно позитивной, поскольку не только решает проблемы социального разобщения в сообществе, но предполагает институционализацию механизмов регуляции отношений между языковыми группами. В этом случае интересным представляется пример Южного Тироля на севере Италии, где институционализована сложноустроенная система гарантий. Эта система включает институт раздельного голосования языковых групп в парламенте, систему языковых квот в публичной службе, право «языковой инициативы» (официальный ответ должен быть на том языке, на котором обратились), три автономно функционирующие системы школьного образования, двуязычные топонимы и т.д. (Borisova, Sulimov, 2018). Подобная система гарантий позволила снизить конфликтность в региональном сообществе, институционализовав право на язык каждой из этноязыковых групп.

Ставшая классической классификация А. Швейцера является более сложной и включает критерии, позволяющие не только характеризовать языковую политику по ее направленности, но и по тому, кто выступает в качестве ее субъекта. Используя принцип дихотомии, он различает языковую политику как: 1) ретроспективную и перспективную; 2) централизованную и децентрализованную; 3) конструктивную и деструктивную (Швейцер, 1977). Первая пара выделена на основе характеристики направленности политики в отношении корпуса языка. Так, ретроспективная политика способствует сохранению и поддержанию корпуса языка, в то время как перспективная языковая политика изменяет его. И та, и другая политика имеют эффекты с точки зрения складывающейся языковой ситуации. Д. Гулинов приводит пример реализации перспективной языковой политики во Франции, частью которой стала стандартизация феминитивов в современном французском языке (Гулинов, 2015: 8).

Однако больший интерес в контексте обсуждения вопроса о роли языковой политики в интеграции / фрагментации сообщества / общества представляют второй и третий способы

характеристики языковой политики. Во втором случае критериями для дифференциации выступают степень обязательности и территориальное измерение языковой политики. Субъектом централизованной языковой политики выступает государство, а реализуемые в ее рамках меры имеют общеобязательный для всех характер. В случае нецентрализованной языковой политики субъектом ее определения и реализации выступают региональные, местные власти и даже негосударственные участники политики, а мероприятия касаются исключительно членов сообщества, проживающих в рамках региона/ локуса.

Для выделения третьей пары критерием является направленность мер, реализуемых в отношении статуса языка. Конструктивная (или позитивная) языковая политика имеет позитивный характер и направлена на такое изменение статуса миноритарного языка, в результате которого происходит его витализация, стимулирование или поддержка его коммуникативных функций, расширение области его применения. Деструктивная языковая политика является негативной и даже может носить дискриминирующий по отношению к носителям миноритарного языка характер, поскольку лишает язык не только официального статуса, но может иметь целью полный запрет на его использование в обществе. Фактически конструктивная и деструктивная разновидности языковой политики можно также рассматривать в качестве двух полюсов в логике, предложенной Х. Клоссом.

Обсуждая функциональное значение языковой политики и арены ее приложения, А. Карла выделяет следующие три варианта: 1) политика, регулирующая властные отношения между языковыми группами, направленная на обеспечение доступа к политическим институтам (парламент и правительство) и участия в процессе принятия политических решений; 2) политика как регулятор использования языка в социальных отношениях между языковыми группами (реляционная языковая политика) в таких институтах, как школы и СМИ (Carla, 2007: 290). Идеи А.Карлы позволяют характеризовать преференциальные решения относительно статуса языка исходя из масштаба регулирования вопросов использования языка на трех основных аренах общественных и межличностных взаимодействий: образование, управление, масс-медиа, а также публичное коммуникативное пространство и взаимодействие в частной жизни. Речь идет о ежедневном и значимом в жизни каждого индивида взаимодействии на работе, в магазинах, транспорте и пр., которое отличает массовость и рутинизированность интеракций и коммуникативных практик, с одной стороны, а с другой, наличие/вовлеченность в коммуникации множества субъектов, поведение которых нормативно сложно. Хотя, как показывают наши исследования¹, региональные и местные власти пытаются в некоторых случаях регулировать и эти сферы: например, продвигая двуязычие в бизнес-среде в качестве нормативно одобряемую практику.

В сфере образования может быть институционально закреплено в качестве обязательного □ требование организации обучения на языке титульной для региона или даже страны группы на всех ступенях образования и на всей его (ее) территории. Например, в случае США, где в 30 из 50 штатов приняты законы об английском как официальном языке, а языком обучения в стране является английский. Примечательно, что в 2000-е гг. активизировалась дискуссия о необходимости институционализации «языкового единства» в стране, где порядка 82% населения английский считают родным, а наиболее активно выступающее за признание своих этноязыковых прав является испаноязычное меньшинство, доля которого в населении страны составляет порядка 16% (Николаев, Павлова, 2014). Подобный статус языка обеспечивает преимущественное воспроизводство монолингвизма.

Официально закрепленный статус миноритарного(ых) для политии языка(ов) при сохранении сильных позиций государственного языка способствует институционализации модели билингвального обучения на разных или всех ступенях системы образования. Так, например, организована система образования в современном Уэльсе в Великобритании. Вместе с тем, следует отметить, что нередко миноритарный для сложноустроенной политии язык может преподаваться лишь как предмет (как второй обязательный или факультативно) на всех или на любой из ступеней обучения, но преимущественно в начальной школе. В большинстве этнических республик РФ институционализированы именно такие практики: обучение родному языку в младшей и средней школах, в то время как в 10–11-х классах родной язык в значительной степени уходит из образовательных программ.

Набор возможных решений относительно использования миноритарных языков в политико-правовой сфере в сложноустроенных политиях разнообразен. Например, титульный для региона язык может иметь статус официального или ко-официального (равного) языка и признаваться

¹ Речь идет о серии интервью в Пермском крае, Татарстане, Удмуртии, проведенных летом 2018 – осенью 2019 гг. в рамках реализации проекта РФФИ «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» № 18-011-00763 А.

одновременно национальной конституцией и региональным статутом; использоваться всеми органами власти на всех уровнях, включая судопроизводство и охрану правопорядка. Такие ситуации редки. Наиболее приближенным к такой модели является пример Южного Тироля или Индии. В последней все официальные документы публикуются на двух языках: хинди и английском; а во взаимоотношениях центра и штатов институционализировано использование хинди (государственный), английский (как язык межнационального общения) и титульный для штата язык, если он признан Конституцией¹. Регламент работы союзного парламента допускает использование депутатами (для выступлений, обращений и иных коммуникаций) любого языка, который включён в Восьмой список Конституции Индии. Такой формат использования языка в публично-правовой сфере, а также в системе образования в Индии получил название «трехязычная формула». Включение языка в Восьмой список имеет символическое и политическое значение, поскольку, когда язык получает статус «списочного», государство становится обязанным финансировать и реализовывать программы поддержки языка. В соответствии с законодательством, при поступлении на государственную или муниципальную службу кандидат для сдачи аттестационного экзамена имеет право выбора любого языка из Восьмого списка.

Вместе с тем, возможно лишь наделение миноритарного для страны, но титульного для региона языка статусом официального языка региона. В этом случае на региональном уровне работа органов власти, судопроизводство и охрана правопорядка организованы на титульном языке или допускают его использование по запросу граждан. Это, безусловно, пример Каталонии и Страны басков в современной Испании, ладинских и немецких муниципалитетах в Южном Тироле в Италии, Уэльса в Великобритании, Юры в Швейцарии.

Наконец, возможен третий вариант, при котором язык титульной для региона группы не имеет статуса официального регионального языка *или* имеет его, но используется в делопроизводстве в формате пассивного перевода значимых для региона нормативно-правовых актов. В этом случае в качестве примера можно привести с некоторыми оговорками Корсику во Франции, Валле д'Аоста в Италии.

Развивая идею А.Карлы об аренах приложения языковой политики, следует уточнить, что понимание реализации языковой политики исключительно как набора административных регулятивных мер значительно сужает эвристический потенциал исследовательского подхода. Нужно согласиться с Б. Ладом в том, что языковая политика может мыслиться и как набор «неявных форм, представленных в системе образования, мифах, пропаганде и языке публичного пространства» (Lado, 2011: 135). Речь идет о бытовании и практиках использования языка в публичном коммуникативном пространстве (язык улиц, торговых центров, школ, рынков, офисов), а также язык частных сфер жизни современного человека. Например, есть случаи, где региональное правительство финансирует медийное вещание на языке титульной группы региона, определяя долю программ, выходящих на этом языке (Уэльс в Великобритании), а обязательное название и написание топонимов на языке титульной группы региона нормативно закреплено региональным законодательством (Валле де'Аоста и Южный Тироль в Италии, Татарстан в Российской Федерации, Аланды в Финляндии). Региональное правительство в иных случаях может определять только долю программ, выходящих на языке титульной группы региона, право названия и написания топонимов на языке титульной группы опционально (Сербия). И, наконец, возможно отсутствие закрепленного за региональным правительством права регулирования языковых аспектов медийного вещания на территории региона и/или нормативно закреплено в качестве опционального право вещания на титульном для региона языке в качестве частной инициативы, а требование и право названия и написания топонимов на языке титульной группы отсутствует.

Следует выделить работы британского социолингвиста К. Уильямса, который последовательно показывает, как происходит содержательное изменение языковой политики в зависимости от ее субъектного состава (Williams, 2003; Williams, 2013). Именно вопрос о субъектном составе языковой политики представляется интересным с политологической точки зрения. В этом ракурсе значительной представляется идея Н. Мухарямова о необходимости различения «языковой политики» и «поли-

¹ Имеется в виду Восьмой список Конституции Индии [The Eighth Schedule of the Constitution / Schedules I to XII. P.330. Retrieved from: URL: https://www.india.gov.in/sites/upload_files/npi/files/coi-eng-schedules_1-12.pdf (accessed: 28.01.2019)]. Время от времени в Восьмой список вносятся поправки: первоначально он включал 4 языка, в 2007 г. – 22, на которых говорит порядка 97% населения современной Индии. Еще более 30 языков включены в лист ожидания, т.е. являются кандидатами на включение в Восьмой список [Constitutional provisions relating to Eighth Schedule. Retrieved from: URL: https://mha.gov.in/sites/default/files/EighthSchedule_19052017.pdf (accessed: 28.01.2019)].

тики языка», как о связанных между собой политическом курсе в первом случае и политической борьбе по поводу языка – во втором (Мухарьямов, 2017). Сходной позиции придерживается Г. Сзербхорват, обращаясь к политическим спорам вокруг прав этноязыковых групп в бывшей Югославии (Szerbhorvath, 2015). Именно на примере отдельных стран и регионов, с одной стороны, а с другой, с помощью анализа конфликтных ситуаций вокруг вопроса о признании этноязыковых прав активно развиваются исследования языковой политики. Конечно, это, прежде всего, работы, которые посвящены сравнительному изучению языковой политики в странах, отличающихся этнолингвистическим разнообразием (Agarin, 2014; Arzoz, 2015; Busch, 2013; Асиновский, б.д.; Мустафина, б.д.). Вместе с тем, анализ языковой политики, выявление и объяснение ее особенностей через призму характеристики субъектного состава и значимости контекста реализации, обуславливает обращение исследователей к вопросу о роли международных акторов в определении векторов и мероприятий языковой политики. Применительно к странам современной Европы в работах М. Газзолы, Ф. ван Париса и С. Райт обсуждается роль Европейского союза в решении вопросов защиты статуса миноритарных языков и/или институционализация практик обеспечения позиций официальных языков ЕС, особенно английского (Gazzola, 2016; Van Parijs, 2015; Wright, 2015), актуализируются дискуссии о языковой справедливости, что, конечно, расширяет рамки предметного поля современной политической лингвистики.

Языковая политика и языковой режим: от политических решений к социальному порядку

Вопрос о практических политико-институциональных решениях поддержания территориальной целостности стран, которые характеризуются этноязыковым разнообразием, включает и обсуждение инструментальной роли языковой политики. В компаративно-ориентированных по своему характеру работах Э. Лю (Liu, 2015), Т. Бенедиктера (Benedikter, 2009; Benedikter, 2013), Н. Александра (Alexander, 1989) анализируются практики признания региональных миноритарных языков и институционализации языковых предпочтений в азиатском регионе и в странах Африки. Н. Александер и Т. Бенедиктер в своих работах обсуждают характер языковой политики в этнически гетерогенных государствах. В свою очередь, Э. Лю, используя для описания практик признания языков в странах Юго-Восточной Азии понятие «языковой режим», предлагает авторскую типологию языковых режимов.

Следует отметить, что понятие «языковой режим» относительно недавно вошло в политологический лексикон и используется в политических исследованиях нечасто. Так, поиск в Google Scholar¹ словосочетания «language + regime» дает 24 600 результатов, а «language + regime + politics» 7 оригинальных ссылок. Для сравнения, тот же ресурс на запрос «political + regime» выдает 125 000 ссылок. Это косвенно указывает на то, что понятие «языковой режим», хотя и распространено в политическом и управленческом лексиконе (особенно в нормативных документах Европейского союза), в политической науке и академических исследованиях используется не столь широко.

Как правило, понятие «языковой режим» употребляют для описания системы правил, которые нормативно регулируют использование языка в сообществе. В частности, в программных документах ЕС этот термин применяют для описания правил использования языков стран ЕС в официальном документообороте и делопроизводстве (Gazzola, 2016). Будучи относительно распространенным в исследовательской политологической литературе (Agarin, 2014; Cardinal, 2015; Carla, 2007; Gazzola, 2016; Pool, 1990; Pool, 1996; Liu, 2015), понятие «языковой режим» описывает правило, регулирующее распространение и использование языка в сообществе. Так, например, М. Газзола сводит понятие «языковой режим» к языковой политике государства, определяя его как «свод правил и договоренностей, применяемых для управления многоязычным общением, как правило, в отношении выбора официальных языков организации и их соответствующего использования» (Gazzola, 2016: 10). В таком же ключе определяют «языковой режим» Дж. Пул (Pool, 1990; Pool, 1996), А. Карла (Carla, 2007), Э. Лю (Liu, 2015).

Отдельно следует отметить работы Л. Кардинал и С. Зоннтаг. Так, Л. Кардинал предлагает определять «языковой режим», учитывая политический контекст его формирования (Cardinal, 2012) и совместно с С. Зоннтаг (Cardinal, Sonntag, 2015) указывает на то, что в исследованиях языковой политики преобладают социолингвистические или нормативистские подходы. Первые фокусируют

¹ Результаты запроса по состоянию на 02.10.2019.

внимание на изучении жизнеспособности языков, вариативности лингвистических ландшафтов и влияния языковой политики носителей языка(ов). Вторые же обсуждают роль государства в языковом регулировании преимущественно в контексте обеспечения прав меньшинств. При этом вопрос о том, как и почему языковая политика выбирается, в исследовательской литературе практически не обсуждается. Для этого авторы предлагают употреблять методологический арсенал исторического институционализма и рассматривать языковую политику в политологической перспективе. Для этого они предлагают «аналитические концепции «государственной традиции» и «языкового режима», позволяющие объяснить вариативность языковой политики в историческом и институциональном контекстах» (Cardinal, Sonntag, 2015: 8). Л. Кардинал и С. Зоннтаг справедливо указывают на то, что реализация языковой политики зависит от ряда факторов, среди которых наиболее значимым является исторический контекст принятия решения по вопросу о языке. Они пишут: «Наша концептуализация понятия «языковой режим» позволяет не только учитывать конкретные нормы в описательном смысле, но понимать и объяснять, почему и как эти нормы возникли в контексте государственных традиций». Однако, определяя языковой режим, они делают акцент по большей части на языковой политике, считая её элементом языкового режима. Это приводит к тому, что исследователи, работающие в рамках подхода, предложенного Л. Кардинал и С. Зоннтаг, используют в качестве синонимических понятия «*language regime*» и «*language policy regime*»¹. Но представляется, что сведение режима к политике (*policy*) является методологически некорректным, и этот тезис нуждается в пояснении.

Режим в самом общем виде предполагает порядок. Здесь интересным представляется интерпретация концепции «политического порядка» П. Пановым. В своей работе «Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка» указывая на конвенциональный характер сложившегося в социальных науках представления о том, что правила, когнитивные схемы и культурные смыслы «возникают в процессе социальных взаимодействий и существуют не «сами по себе», а в практиках социальных взаимодействий», он пишет, что «именно институты (при любой концептуализации) придают практикам социальных взаимодействий тот признак устойчивости, в котором, по большому счету, и проявляет себя социальный порядок (Панов, 2011: 59–60). В логике этих рассуждений он предлагает использовать понятие институциональных практик как «таких взаимодействий между акторами, когда в ситуации, которая интерпретируется как «типичная», они относительно устойчиво воспроизводят принятые и коллективно осмысленные в данной социальной группе правила поведения» (Панов, 2011: 61). Именно воспроизводство институциональных практик является социальным порядком.

Предложенное П. Пановым понимание «социального порядка» является по своему содержанию полезным для концептуального уточнения понятия «языковой режим». Идея Л. Кардинал и С. Зоннтаг заключается в том, что «языковой режим есть набор правил использования языков в сообществе, обусловленный связанными друг с другом государственной традицией институционального регулирования и обстоятельствами выбора языковой политики» (Cardinal, Sonntag, 2015: 12). При этом, как это уже отмечалось выше, языковая политика рассматривается ими как часть (элемент) языкового режима, во-первых. Во-вторых, обсуждая правила использования языка, они понимают правила в узком смысле (как нормативные предписания), что значительно сужает возможности разграничения понятий «языковой режим» и «языковая политика». Вместе с тем, представление о правилах как об институциональных практиках позволяет понимать «языковой режим» как социальный порядок, существующий, наряду с иными социальными порядками, и «связанный» с ними порядком политическим. Если мы понимаем языковой режим как набор практик, то очевидно, что языковая политика (как целенаправленное действие) влияет на его формирование и/или изменение, функционирование, а значит не может быть его частью.

В этой логике следует признать, что языковой режим не может не существовать. Общество существует и воспроизводится в условиях рутинизированных и привычных правил / практик использования языка. Но как только возникает спор вокруг статуса языка, актуализируется «борьба за язык», привычный порядок нарушается и языковой режим становится элементом политических взаимодействий и борьбы за власть. Иными словами, возникает ситуация, когда манифестируются требования пересмотра существующего порядка и формирование нового специального, например, основанного на предпочтениях языкового режима.

¹ Frank M. State Tradition and Language Regime in Latvia. (Доклад был представлен на международной конференции «The Politics of Multilingualism: Possibilities and Challenges» 22–24 мая 2017 г. в Университете Амстердама.

В контексте обсуждения вопроса о связи языкового режима, политики и политизации языка важно отметить тот факт, что в исследовательской литературе характер (тип) языкового режима связывается с практикой функционирования политических институтов и процедур в политике (характером политического режима) (Pool, 1990). В частности, Э. Лю на примере включения языка в школьные образовательные программы в странах Юго-Восточной Азии (Liu, 2015: 4–5), предлагает различать языковые режимы с точки зрения распределения власти языка, увязывая силу последней с такой структурной характеристикой сообщества, как гетерогенность его этнического состава. Лю выделяет четыре типа языковых режимов¹. Во-первых, это властно-концентрирующий языковой режим («power-concentrating»), для которого характерно наделение особым статусом родного для титульной (доминирующей) группы языка и формирование, как следствие, языковой ситуации монолингвизма. Во-вторых, это властно-долевой (распределяющий) языковой режим («power-sharing»), который отличает правовое признание как равнозначных нескольких языков вне зависимости от того, является ли группа-носитель языка миноритарной или же доминирующей в этнической структуре сообщества, в котором происходит формирование ситуации многоязычия. В-третьих, властно-нейтрализующий языковой режим («power-neutralizing»), при котором ни один из миноритарных языков не получает преференции, а «интегрирующую» функцию выполняет чужой для сообщества и образующих его этнических групп *lingua franca*. И, наконец, нейтрализующе-долевой (распределительный) языковой режим, который возникает в ситуации, когда наряду с *lingua franca* преференции получают и миноритарные языки. Именно последние два не только связаны с демократическими институтами, но в наибольшей степени способствуют достижению территориальной целостности посредством нейтрализации этнического конфликта. Лю так же определяет языковой режим исключительно как «правила, регулирующие использование языка в сообществе».

Представляется спорной идея Л. Кардинал о политико-правовом, функциональном и символическом измерениях языкового режима. Политико-правовое измерение языкового режима, считает Л. Кардинал, проявляется в институционализированных правилах, требованиях и нормативном признании практик использования языка членами сообщества в различных сферах жизнедеятельности сообщества (Cardinal, 2012: 4). Однако очевидно, что правовые нормы далеко не всегда соответствуют социальным практикам, составляющим в терминологии П. Бурдые габитус сообщества. Например, язык может не иметь статус официального, не признаваться и не поддерживаться государством посредством специальных политических мероприятий и программ, но активно использоваться в сообществе. Пример тому упоминавшаяся выше Каталония, где во франкистский период каталано оставался языком живого общения. Другим примером выступает регион Валле д'Аоста в Италии, где титульный французский обладает статусом официального регионального языка, масштабно поддерживается государством, но при этом языком улиц, СМИ, индустрии развлечений и даже политики в регионе оказывается преимущественно итальянский.

Функциональное измерение, по мнению Л. Кардинал, касается языкового планирования (Cardinal, 2012: 4), как реализации решений относительно политико-правового положения языка и организации системы его преподавания и изучения. Здесь очевидно отмеченное выше смешение понятий «языковой режим» и «языковая политика». Последняя связана с режимом казуальным, а не структурным образом. Планирование относительно статуса языка в наборе иных факторов и условий может формировать языковой режим того или иного типа. В частности, интересной является идея А. Карлы о двух типах языковых режимов: «режим объединения» (*pooling regime*) и «режим разделения» (*parting regime*) (Carla, 2007), каждый из которых может способствовать укоренению в сообществе либо монолингвизма, либо би-/мультилингвизма.

Символическое измерение языкового режима проявляется в свойственных ему репрезентациях и символах (Cardinal, 2012: 4) и отсылает нас к идее о том, что статус языка, как идентификационного маркера сообщества, чаще всего воспринимается символически: пока язык жив, живет и сообщество. Исходя из восприятия носителями языка своего статуса и возможностей, а также характера мотивов, которыми руководствуются субъекты языковой политики при принятии решений относительно статуса языка(ов), следует различать прагматическое и символическое отношение к языку. А. Карла эмпирически доказывает, что языковая политика, основанная на восприятии языка как символа этнической группы, продуцирует языковую сегрегацию (Carla, 2007: 292). Однако, как представляется, она же может способствовать формированию фактического монолингвизма внутри

¹ Перевод названий типов языковых режимов, предложенных Э. Лю осуществлен Г.А. Даниловой (Данилова, 2015).

языкового сообщества. В свою очередь, Т. Агарин отмечает, что сильные языковые гарантии можно обнаружить в ситуациях, когда «продвижение официального монолингвизма усиливает символический статус языка», но при этом едва ли способствует функциональности этноязыковых сообществ (Агарин, 2014: 366). Различение символического и прагматического восприятия и спроса на статус языка со стороны сообщества и субъектов языковой политики позволяет объяснять интегрирующий или разделяющий сообщество характер языкового режима.

«Языковой режим объединения» имманентно связан с ситуацией функционального би(мульти)лингвизма, при которой интегрирующую для сообщества роль выполняет сильный и активно используемый *lingua franca*. «Языковой режим разъединения», в свою очередь, допускает воспроизводство лингвистической гетерогенности общества в формате территориально обособленных этноязыковых сообществ (ситуация территориально сегрегированных монолингвизмов), члены которых крайне слабо используют язык общенационального общения на основных аренах общественного и межличностного взаимодействия. Таким образом, тип языкового режима может быть обусловлен, во-первых, *конфигурацией* факторов и условий, под влиянием которых реализуется языковая преференциальная политика; во-вторых, наличием наряду с языком иных маркеров этнорегиональной идентичности, выступающих в качестве ресурса артикуляции требования региональной автономии; и, в-третьих, соотношением символического или прагматического спроса в сообществе на миноритарный язык(и).

* * *

Таким образом, понимание «языкового режима как разновидности социального порядка» позволяет рассматривать его в качестве результата многочисленных и нередко разнонаправленных коммуникативных действий, и взаимодействий, сопряженных с институционализацией и рациональной легитимацией практик и норм использования языка в сообществе. При этом, легитимация играет важнейшую роль в достижении и поддержании консенсуса как критерия значимости этих норм. Рутинизированность, привычность для членов сообщества правил и практик использования языка являются результатом институционализации и реализации языковой политики. Как только возникает спор вокруг статуса языка, актуализируется «борьба за язык», что свидетельствует об оспаривании и нарушении порядка и включении языкового режима в политико-властные взаимодействия. Таким образом, процессы политизации языка, сопряженные с ситуациями «борьбы за язык» (политики языка) подчиняют языковой режим политико-властным отношениям. Здесь важными и взаимообусловленными оказываются, во-первых, политическая мобилизация, проявляющаяся в том числе и через артикуляцию запроса на языковую политику, а во-вторых, реализация политической [субъектной] воли, которая эмпирически может быть обнаружена в принятии и реализации решений относительно языка, его статуса и прав носителей. Учет конфигураций факторов и условий реализации языковой преференциальной политики, мобилизационных ресурсов артикуляции требований региональной автономии и соотношения символического или прагматического спроса в сообществе на миноритарный язык(и) позволяют типологически различать языковые режимы и выявлять их вертикально-структурированную композицию.

Библиографический список

- Асиновский, А. (б.д.) *‘Государства и их языки (опыт России и европейских стран в области языковой политики и языкового строительства)’*. Аналитическая записка. [Asinovskii, A. ‘States and its languages (Russian and European practices in language policy and planning)’ [‘Gosudarstva i ih yazyki (opyt Rossii i evropejskih stran v oblasti yazykovoj politiki i yazykovogo stroitel'stva)’] (Available at: <http://rusgos.spbu.ru/index.php/article> (Accessed: 11.10.2016). (In Russ.)).
- Вахтин, Н., Головкин, Е. (2004) *Социоллингвистика и социология языка: учеб. пособие*. Санкт-Петербург: Ланг.
- Швейцер, А. (1977) *Современная социоллингвистика: теория, проблемы, методы*. Москва [Shvejcer, A. (1977) *Modern sociolinguistics: theory, problems, methods* [Sovremennaya sociolingvistika: teoriya, problemy, metody]. Moskva. (In Russ.)].
- Швейцер, А., Никольский, Л. (1978) *Введение в социоллингвистику*. Москва: Высшая школа [SHvejcer, A., Nikol'skij, L. (1978) *Sociolinguistics: an introduction* [Vvedenie v sociolingvistiku]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.)].
- Агарин, Т. (2014) ‘Flawed Premises and Unexpected

- Петербург: Изд-во ЕУ СПб. [Vahtin N., Golovko E. (2004) *Sociolinguistics and sociology of language: A tutorial* [*Sociolingvistika i sociologiya yazyka: uchebnoe posobie*]. SPb.: Izd-vo EU SPb. (In Russ.)].
- Гулинов, Д. (2015) 'Дискурсивные характеристики языковой политики современной Франции': автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: Типография Издательства ВГСПУ «Перемена». [Gulinov, D. (2015) 'Discursive characteristics of the language policy of modern France', *An abstract of PhD Thesis in Philology* [*Diskursivnye harakteristiki yazykovoj politiki sovremennoj Francii*]. avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk]. Volgograd: Tipografiya Izdatel'stva VGSPU «Peremena». (In Russ.)].
- Данилова, Г. А. (2018) 'Язык имеет значение (рецензия на книгу Э. Лю. "Стандартизируя разнообразие: политическая экономия языковых режимов" (Liu, A. (2015) 'Standardizing diversity: the political economy of language regimes'. Philadelphia, University of Pennsylvania Press)'. *Вестник Пермского университета, Политологи*, 3 сс. 166–174. [Danilova, G. A. (2018) 'Language does matter. Book Review: Liu, A. (2015) "Standardizing diversity: the political economy of language regimes". Philadelphia, University of Pennsylvania Press' [*Yazyk imeet znachenie*'] (Recenziya na knigu E. Liu "Standartiziruya raznoobrazie: politicheskaya ekonomiya yazykovykh rezhimov"). DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-166-174>. (In Russ.)].
- Каневский, А. (2015) 'Языковая политика как вид национальной политики государства', *Философия права*, 4 (71), сс. 37–51. [Kanevskij, A. (2015) 'Language policy as type of state policy' [*Yazykovaya politika kak vid nacional'noj politiki gosudarstva*], *Filosofiya prava*, 4 (71), pp. 37–51. (In Russ.)].
- Клоков, В. (1992) *Языковая политика во франкоязычных странах Африки*. Саратов. [Klokov, V. (1992) *Language policy in francophone states of Africa* [*Yazykovaya politika vo frankoyazychnyh stranah Afriki*]. Saratov. (In Russ.)].
- Малинова, О. (2010) 'Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности', *ПОЛИС. Политические исследования*, 2, сс. 90–105. [Malinova, O. Consequences: Support of Regional Languages in Europe', *Nationalism and Ethnic Politics*, 3(20), pp. 349–369.
- Alexander, N. (1989) *Language Policy and National Unity in South Africa/Azania*. Cape Town: Buchu.
- Arzoz, X. (2015) 'The Impact of Language Policy on Language Revitalization' In: *Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and the European Union*. Springer International Publishing.
- Benedikter, T. (2013) *Language Policy and Linguistic Minorities in India: An Appraisal of the Linguistic Rights of Minorities in India*. Bolzano: EURAC Research.
- Benedikter, T. (2009) *Solving Ethnic Conflict through Self-Government: A Short Guide to Autonomy in Europe and South Asia*. Bolzano/Bozen: EURAC Research.
- Borisova, N., Sulimov, K. (2018) 'Language territorial regimes in multilingual ethnic territorial autonomies', *Nationalities Papers*, 3(46), pp. 358–373. DOI: 10.1080/00905992.2017.1351938.
- Bormann, N.-Ch., Cederman, L.-E., Vogt, M. (2015) 'Language, Religion, and Ethnic Civil War', *Journal of Conflict Resolution*, August, p. 5.
- Busch, B. (2013) 'Linguistic Rights and Language Policy: A South–North Dialogue', *Education As Change*, 2(17), pp. 209–218.
- Cardinal, L., and Sonntag, S. (2015) 'State Traditions and Language Regimes: A Historical Institutionalism Approach to Language Policy', *European and regional Studies*, 8, pp. 5–21.
- Cardinal, L. (2012) 'Language Regimes in Canada and in Quebec: From Competition to Collaboration?', *Working Paper (RECODE)*, 2, pp. 1–11.
- Carla, A. (2007) 'Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano', *Ethnopolitics*, 6(2), pp. 285–313.
- Cooper, R. L. (1989) *Language Planning and Social Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fishman, J. A. (1972) *The sociology of language: An interdisciplinary social science approach to language in society*. Newbury House Publishers.
- Gadellii, K. (1999) *Language Planning: Theory and Practice. Evaluation of Language Planning Cases Worldwide*. UNESCO
- Gazzola, M. (2016) 'Is the European Commission's de Facto Language Regime Effective? An Empirical Assessment' In: *The 24th World*

- (2010) 'Symbolic politics and the constructing of macro-political identity in post-soviet Russia' [*Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy dentichnosti*], *POLIS. Politicheskije issledovaniya*, 2, pp. 90–105. (In Russ.).
- Мустафина, Д. (б.д.) 'Региональные языки: российский и европейский опыт языковой политики' [электронное издание]. URL: <http://addnt.ru/regionalnye-yazyki-rossijskij-i-evr/> (проверено: 15.12.2016) [Mustafina, D. 'Regional languages: Russian and European experiences of language policy' ['Regionalnye yazyki: rossijskij i evropejskij opyt yazykovoj politiki'] [online]. Available at: URL: <http://addnt.ru/regionalnye-yazyki-rossijskij-i-evr/> (Accessed: 15.12.2016). (In Russ.)].
- Мухарямов, Н. (2017) 'Политика языка и языковая политика' в: Семененко И. и др. (ред.) *Идентичность: личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание. Москва: Весь мир, сс. 691–699. [Muharyamov, N. (2017) 'Language politics and language policy' In: Semenenko I., et al. (eds.) *Identity: character, society, politics* [Politika yazyka i yazykovaya politika' v: Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika]. Moscow: Ves' mir, pp. 691–699. (In Russ.)].
- Николаев, Б., Павлова, Н. (2014) 'Языковая политика в США: основные тенденции развития', *Общественные науки. Право*, 4(32), сс. 61–68. [Nikolaev, B., Pavlova, N. (2014) 'Language policy in USA: current trends' [*Yazykovaya politika v SSHA: osnovnye tendencii razvitiya*], *Obshchestvennye nauki. Pravo*, 4(32), pp. 61–68. (In Russ.)].
- Хашимов, Р. (2003) *Очерки по языковой политике и культуре*. Елец. [Hashimov, R. (2003) *Essays on language policy and culture* [Ocherki po yazykovoj politike i kul'ture]. Yelets. (In Russ.)].
- Цыбденова, Б. (2016) 'Понятия «языковая политика» и «языковое планирование» в отечественной и американской социолингвистике' в: 'Сохранение и развитии языков и культур коренных народов Сибири'. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. [Cybdenova, B. (2016) 'Concepts of "language policy" and "language planning" in Russian and American sociolinguistics. In: 'Maintainance and Congress of Political Science, RC50 The Politics of Language / Language Regimes: Case Studies and Theoretical Understandings. Poznań, pp. 1–27.
- Johnson, D. C. (2013) *Language Policy: Research and Practice in Applied Linguistics*. Palgrave Macmillan.
- Kloss, H. (1989) *The American Bilingual Tradition*. Rowley, 1977; Reprint: Washington.
- Lado, B. (2011) 'Linguistic Landscape as a Reflection of the Linguistic and ideological conflict in the Valencian community', *International Journal of Multilingualism*, 2(8), pp. 135–150.
- Liu, A. (2015) *Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Tollefson, J., Tsui, A. (eds) (2004) *Medium of Instruction Policies: Which Agenda? Whose agenda?*. Taylor & Francis e-Library.
- Pool, J. (1990) 'Language Regimes and Political Regimes' in 'Language Policy and Political Development'. Norwood, New Jersey: Ablex.
- Pool, J. (1996) 'Optimal Language Regimes for the European Union', *International Journal of the Sociology of Language*, 121, pp. 159–179.
- Spolsky, B. (2004) *Language Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Szerbhorvath, G. (2015) 'Language Politics and Language Rights on the Territory of Former Yugoslavia the Today's Serbia/Vojvodina', *European and Regional Studies*, 8, pp. 57–72.
- Tollefson, J. W. (2012) *Language Policies in Education: Critical Issues* (2nd edition). New York: Routledge.
- Tollefson, J. W. (1991) *Planning Language, Planning Inequality: Language Policy in the Community*. London: Addison-Wesley/Longman.
- Van Parijs, Ph. (2015) 'Lingua franca and linguistic territoriality. Why they both matter to justice and why justice matters for both', *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 18(2), pp. 224–240.
- Williams, C. (2003) 'Language Policy and Planning Issues in Multicultural Societies' In: Larrive'e, P. (ed) 'Understanding the Que'bec Question'. Basingstoke: Palgrave.
- Williams, C. (2013) 'Perfidious Hope: The Legislative Turn', *Regional and Federal Studies*, 23(1), pp. 101–122.
- Wright, S. (2003) *Language Policy and Language Planning. From Nationalism to Globalisa-*

development of languages and cultures of indigenous peoples of Siberia [‘*Ponyatiya «yazykovaya politika» i «yazykovoe planirovanie» v otechestvennoj i amerikanskoj sociolingvistike*’ V: ‘*Sohranenie i razvitike yazykov i kul’tur korennyh narodov Sibiri*’]. Abakan: Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N.F. Katanova. (In Russ.)].

tion’. Palgrave Macmillan.

Wright, S. (2015) ‘What is Language? A Response to Philippe van Parijs’, *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 2(18), pp. 113–130.

Информация об авторе

Борисова Надежда Владимировна – кандидат политических наук, декан историко-политологического факультета ПГНИУ. E-mail: borisova_nv@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4516-0820. ResearcherID: G-8490-2018).

Статья принята к печати: 15.10.2019

FROM LANGUAGE POLICY TO LANGUAGE REGIME: CONCEPTUAL AND EMPIRICAL CAPACITY

N. V. Borisova

Perm State University

Abstract

Discussion as a special the integrative and fragmenting functions of language needs to clarify the idea about political role of language. Not language by itself, but its political and institutional status and perception of this status by native-speakers promote integration or fragmentation of society. This understanding actualizes the question about the content and variability of language policy. Which language policy does promote integration and which one does block and trigger the fragmentation of society? Searching for an answer to this empirical, by its nature, question requires a conceptual understanding of approaches to language policy and its direction in terms of results and / or effects. The article offers a methodological revision of “language regime” concept, which has been actively using in political studies of language policy for last few years. A conceptual analysis of approaches to the understanding and classification of language policy and language regime allows to understand its as causally related to each other. Language regime as a kind of social order becomes a part of politics due to actualization of the political struggle for language.

Keywords: language policy; language regime; language policy.